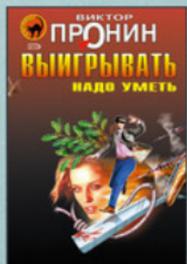

Виктор Пронин

Отдушина

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Алексеевич Пронин

Отдушина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179579

Виктор Пронин. Выигрывать нужно уметь: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-17759-0

Аннотация

«Так вот, я думаю, что каждый человек в наше время, будь он хоть кто, должен чем-то увлекаться. Одни камни до двенадцати ночи полируют, другие марки собирают, но все это блажь. Охота! Во! Пиф-паф! Ой-ой-ой! Умирает зайчик мой! А в садике, куда мое дите ходит, добавляют: привезли его домой, оказался он живой. Так что жизнь продолжается, и все прекрасно...»

Виктор Пронин

Отдушина

Так вот, я думаю, что каждый человек в наше время, будь он хоть кто, должен чем-то увлекаться. Одни камни до двенадцати ночи полируют, другие марки собирают, но все это блажь. Охота! Во! Пиф-паф! Ой-ой-ой! Умирает зайчик мой! А в садике, куда мое дите ходит, добавляют: привезли его домой, оказался он живой. Так что жизнь продолжается, и все прекрасно.

Ну а если серьезно, ты несешься по пересеченной местности, не замечая преград, палишь из двух стволов сразу, орешь что-то не своим голосом, проваливаешься в болото, на ходу заряжаешь ружье и снова палишь! Полная отдача физических и духовных сил. И так ли уж важно – убьешь ты какую-нибудь зверюку или нет. А если еще подберутся ребята... У нас компания – будь здоров! У каждого «Ява», «ижак» или на крайний случай «Паннония». Только у Шурки Кайдацкого «Вятка». Но без этого нельзя. Всегда должен быть такой, над которым можно посмеяться вдоль и поперек. Над Шуркой можно.

Ну, в общем, так – шороху с той охотой было! С пятницы до понедельника простаивали целые области культуры, науки и производства. Обо мне речи нет, мое дело скромное – токарь-пекарь. Но Валик – кандидат каких-то там на-

ук и большой спец по ножницам и пилам прокатных станков. Ужасно серьезный человек. Пока не выпьет. А Жорка Шестопалов! Старший научный сотрудник института геофизических свойств горных пород филиала Академии наук. Во как! Пока скажешь, иностранцем сделаешься. У нас если кто выпьет, а доказывает, что трезвый, и на мотоцикл лезет, мы ему сразу: а где Жорка работает? Если скажет, значит, трезвый. Алик – конструктор тепловозов. Валера – осветитель с телестудии.

И еще два человека на особом положении. Жмакин – пенсионер, лысый, черный и болтун, каких свет не видел. И Люси. О, Люси! Всю зиму вкалывает в ателье, кроит, режет и наматывает петли. Короче – деньги копит. А чуть весна – на мотоцикл и от моря до моря. Только пыль столбом и хвост трубой. Люси!

Подготовка началась еще в понедельник, и всю неделю мы только и говорили о том, куда на этот раз податься, кого с собой взять, говорили, что неплохо бы дичи побольше насшибать, просто трепались о том, какое хорошее дело – охота.

За это время выяснилось, что у Валеры сломался какой-то штырь на переднем колесе, а у Алика сели аккумуляторы. Алик был в полной панике, потому что тепловоз спроектировать для него – раз плюнуть, а вот аккумулятор – дело темное. И мне пришлось вытаскивать штырь, а потом заряжать аккумулятор, а Шурка Кайдацкий, хотя и был знатоком по газоснабжению доменных печей, неплохо разобрался в ру-

жьях и всю неделю ремонтировал Валику одностволку, которую тот где-то выменял на нож с козым копытом вместо ручки.

А когда Ванька-шофер, у которого жена работала в прокатном пункте, взялся обеспечить всех спальными мешками, общий радостный вопль известил окрестности, что уже никакие силы не могут помешать предстоящей охоте.

В пятницу вечером возле моего дома рычали, как голодные псы, штук двенадцать мотоциклов. А между ними расхаживали перетянутые ремнями и патронами, увешанные ружьями, ножами, топорами члены областного общества охотников, если хотите. Этак между прочим ребята пинали тяжелыми ботинками шины, стучали костяшками пальцев по бакам, хорошо зная, что сейчас туда и ста граммов не вольешь, поправляли широкие пояса и угощали друг друга диковинными сигаретами. Упивались могуществом и независимостью. А почему бы и нет? Всю неделю вкалываешь как последний, козыряешь любому встречному-поперечному начальнику, материшься вслед каждому удравшему от тебя автобусу, бегаешь по утрам за ионитным молочком, а по вечерам, повязав рубаху вместо передника, устраиваешь постирушку, и почему бы не повоображать эти два-три дня, что на самом деле ты не просто так, ты – ого-го!

Перед охотой всю неделю ребята галдели, как воробьи, кричали до хрипоты, размахивали руками и ногами... А теперь – нет. У всех появилась значительная, тягучая походка,

говорили мало, негромко и опять же вразтяжку. Улыбались тоже нехотя, будто знали что-то такое-такое.

Из-за моего забора слышался истошный вопль Арчибалда – грязно-серого фокстерьера, за которого я отдал Жмакину весь свой аванс. Говорят, за какие-то заслуги Арчибалд в молодости был награжден золотой медалью, сделанной, между прочим, из алюминия. Время от времени, отталкиваясь всеми четырьмя лапами, он взлетал над забором. Взглянув на милую его сердцу компанию, пес начинал выть с новой силой. Наконец, подавившись собственным лаем, закашлялся и смолк.

Приехала Люси. Событие. Она умеет приезжать так, чтобы ее появление не осталось незамеченным. Резко затормозила и, не дожидаясь полной остановки, спрыгнула с седла, сбросила шлем, будто забрало подняла, встряхнула волосами и только тогда посмотрела на шатию-братию. И шатия смолкла.

– Привет! – сказала Люси. – Соскучились, подонки?

– А как же, – говорю, – все слезы выплакали.

– Все в порядке?

– Не извольте беспокоиться.

Люси внимательно посмотрела на меня. Она сразу поняла, что ответил я немного не так, у моего ответа за пазухой – камень.

– А я, между прочим, и не беспокоюсь. Понял?

– Как не понять, – говорю. – Все понял. Все как есть. Еже-

ли еще что, так мы мигом...

Конечно, можно как угодно относиться к своей жене, но когда среди десятка парней появляется вот такая... вот такая... с широким поясом, конским хвостом, в куртке, провонявшей мотоциклом и всякими там степными травами-муравами, то происходит некоторое смещение мозгов, как говорит Валька-кандидат. Ты весь день носишься по лесам и болотам, палишь из ружья, тонешь, мокнешь и обсыхаешь. Ты до полуночи жрешь дичь, поешь хулиганские песни, но рано или поздно все начинают расплзаться по своим мешкам. И вот тогда повисает над костром и над всей поляной... В общем, что-то повисает... Если говорить грубо и зримо, то всем становится до боли важно, чей мешок выберет Люси. Нет, Люси – не такая, чтобы выбирать чей-то мешок, и мы не такие, чтобы позволять ей это делать. Но человек, который на любой паршивой трассе дает сто километров в час, никогда не забудет, кто он: мужчина или женщина. Закон природы.

И потом, у Люси есть свой спальник на самом натуральном собачьем меху. Нашим прокатным мешкам на вате нельзя с ним тягаться. Но рано утром, когда мы просыпаемся от того, что рыбины хвостами, как ладонями, по воде хлещут, у каждого, глубоко в мозгах, аж где-то возле шейных позвонков, сидит маленькая и остренькая, как осколок, мысль – «кто?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.